

ОБРАЗ ИСМАИЛА САМАНИ И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Одной из наиболее заметных тенденций в жизни постсоветских республик Центральной Азии стал значительный рост интереса к собственному прошлому, в том числе — к конкретным историческим личностям. Не оказался исключением в этом отношении и Таджикистан. Для современного Таджикистана характерно обращение к эпохе Саманидов, прежде всего популяризация образа эмира Исмаила Самани и переосмысление его роли и места в истории государства.

После обретения независимости в 1991 г. Таджикистан столкнулся с потребностью в выборе определенной фигуры из прошлого, которая благодаря тем или иным личным качествам или подробностям биографии (реальным или воображаемым) могла бы сыграть роль национального символа, способного сплотить население. Эту потребность можно объяснить кризисом идентичности и «идеологическим вакуумом», связанными с распадом Советского Союза, а также последовавшей почти сразу за ним гражданской войной, которая поставила под угрозу как политическое, так и культурное единство республики.

Символом такого рода стал Исмаил Самани. Необходимо подчеркнуть, что активная популяризация этого образа осуществляется в первую очередь на государственном уровне (немалая роль в ней принадлежит лично президенту Таджикистана Эмомали Рахмону) и является существенной частью внутренней политики страны. Ее масштабы и характер позволяют называть это явление «культом» Самани. Кроме того, они дают основания говорить о возникновении Самани-персонажа, т.е. продукта своеобразного мифотворчества — намеренного или неосознанного.

Исмаил Самани правил в Мавераннахре с 892 по 907 г. А значит, обращение к этой исторической фигуре связывает жизнь современного Таджикистана с событиями, происходившими

в среднеазиатском междуречье более тысячи лет назад. Почему же именно этот средневековый правитель вызывает сегодня наибольшую гордость и почему в наши дни представление о величии страны стало ассоциироваться именно с ним?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо в первую очередь охарактеризовать саму эпоху Саманидов (IX–X вв.) и ту историческую роль, которая принадлежит ей в глазах современных таджиков. Ведь эмир Исмаил, которого историки называют основоположником могущества своей династии [Бартольд 1963: 119] и наиболее выдающимся ее представителем, для сегодняшнего Таджикистана является одновременно и олицетворением своего времени, и символом былой эпохи.

Время Саманидов часто называют «золотым веком», а порой сопоставляют с европейским Ренессансом [Бартольд 1966: 617]. О нем говорят как об эпохе стремительного прогресса, развития промышленности и торговли [Бартольд 1963: 120], расцвета наук и искусств.

Кроме того, Саманиды противопоставляются пришедшим незадолго до того в регион арабам. Одной из наиболее значительных заслуг Исмаила Самани, несомненно, было создание в Мавераннахре собственного государства с централизованной властью и обеспечение его независимости от Арабского халифата [Гафруров 1989: 49]. В наши дни государство Саманидов нередко позиционируется как первое национальное государство таджиков.

Не меньшее значение для самоидентификации таджиков имеет противопоставление себя тюркам. Важнейшую роль в выборе Исмаила Самани в качестве фигуры для почитания, безусловно, сыграл тот факт, что Саманиды были династией иранского происхождения, в отличие от правителей-тюрков, пришедших им на смену начиная с рубежа X–XI вв.

IX–X вв. — это также период формирования классической таджикско-персидской литературы [Там же: 95], «новоперсидского литературного возрождения» [Фрай 2002: 344]. Языковой фактор в современном Таджикистане имеет особое значение: язык иранской группы — одна из ключевых черт, выделяющих таджиков из многочисленных тюркоговорящих соседей.

Говоря о заново формируемом образе Исмаила Самани, следует прежде всего кратко изложить предпринятые в связи с этим основные меры.

1999 г. стал для Таджикистана годом торжественного празднования 1100-летия государства Саманидов. Э. Рахмон лично открыл в Душанбе посвященный им грандиозный мемориальный комплекс. В качестве места его расположения был выбран центр столицы, а именно — площадь Дусти, на которой в советские годы долгое время находился памятник Ленину, а после 1991 г. в течение нескольких лет — Фирдоуси [Абашин 2007: 202]. Центром ансамбля стала фигура Исмаила Самани, выходящего из увенчанной золотой короной огромной арки, по обе стороны которой расположились бронзовые львы. Комплекс также включает прославляющий Саманидов музей. Памятники Исмаилу Самани были установлены и в некоторых других городах, в том числе в Курган-Тюбе, Ходженте, Гафурове. В ряде населенных пунктов имя эмира получили крупные улицы.

Известно, что еще за два года до официальных празднований правительство Таджикистана обращалось в ЮНЕСКО с предложением объявить 1999 г. годом Саманидов. Одновременно в стране началась всесторонняя подготовка к празднованиям. Она заключалась в том числе в поощрении изучения таджикскими историками наследия Саманидов и проведении ряда крупных научных конференций, на которых президент страны присутствовал лично.

Новая государственная награда «Орден Исмоили Сомони» стала присуждаться за достижения в труде, вклад в дело государственного строительства, успехи в военной службе, культурной, общественной и благотворительной деятельности.

Кроме того, имя Исмаила Самани было дано находящейся на территории Таджикистана высочайшей точке Памира, ранее носившей названия «Пик Сталина» и «Пик Коммунизма».

Наконец, в 2000 г. на смену таджикскому рублю пришла новая национальная валюта — сомони. Таким образом имя эмира оказалось на слуху не только у граждан страны, но и за ее пределами. Более того, на банкноте в 100 сомони можно увидеть портрет эмира, а на банкноте в 50 дирамов (сотая часть сомони) — его изображение в полный рост верхом на коне.

Однако для того, чтобы лучше понимать специфику культа Исмаила Самани, а не просто ограничиваться перечислением отдельных мер, необходимо рассматривать его в связи с процессами, происходящими в соседних республиках. Нельзя не обратить внимания на сходство между культом Самани в Таджикистане и культом эмира Тимура в соседнем Узбекистане. Возможно, не станет преувеличением назвать празднования 1999 г. своего рода реакцией на мероприятия 1996 г. в Узбекистане, посвященные 660-летию Тимура. Среди наиболее очевидных параллелей: памятник Тимуру на главной площади Ташкента, музей Тимуридов, учреждение ордена «Амир Темур».

Но Исмаил Самани — не просто своеобразный таджикский «ответ Тимуру». Нельзя упускать из виду тот факт, что Исмаил в свое время сделал политическим центром Саманидского государства Бухару. Приписываемая ему фраза «Пока я жив — я стена Бухары» [Гафуров 1989: 49] сегодня регулярно цитируется и является, вероятно, одним из наиболее известных его высказываний. Это неизбежно напоминает о результатах национально-территориального размежевания 1920-х годов, в соответствии с которыми Бухара и Самарканд оказались на территории Узбекистана. Сегодня восприятие Бухары «своим», исконно таджикским городом характерно не только для значительной части титульного населения Таджикистана; об этом периодически говорится и на государственном уровне. Интересно, что внутри музея на площади Дусти находится точная копия мавзолея Саманидов — одной из достопримечательностей Бухары. Его же можно увидеть на банкноте в 100 сомони позади эмира. Нельзя не упомянуть и высеченную в камне карту «Большого» (или «Исторического») Таджикистана, расположенную у памятника Самани и изображающую территорию, многократно превосходящую по размерам территорию Таджикистана нынешнего [Абашин 2007: 201].

Подобно тому как культ эмира Тимура во многом перекликается с официальным имиджем И. Каримова, своего рода ориентиром Э. Рахмона, по всей видимости, является Исмаил Самани. Его образ в ряде случаев может выступать как бы образцом, авторитетом, историческим прецедентом, подкрепляющим то или иное внутривластное решение. Некоторые жители Таджики-

стана видят даже портретное сходство между специально утвержденными и официально используемыми на территории страны изображениями Исмаила Самани и Э. Рахмона. Если это сходство преднамеренно — значит, можно говорить о попытке отождествления фигуры у власти с наиболее почитаемым ныне историческим деятелем даже на уровне внешнего облика.

Какие же черты личности Исмаила Самани акцентировались прежде и какие подчеркиваются сейчас? Таджикские историки и ранее характеризовали его как справедливого, мудрого, просвещенного правителя, дальновидного политика и искусного военачальника. Но в наши дни все чаще упоминается забота эмира о своих подданных и способность преодолевать трудности благодаря железной воле, которая снискала ему любовь и уважение народа.

Один из вопросов, встающих перед исследователями постсоветских республик, таков: способны ли национальные символы обретать эмоциональную силу «вне политических проектов и идеологических конструкций» [Там же: 206]? Говоря о Таджикистане, этот вопрос можно переформулировать так: способен ли образ Исмаила Самани зажечь собственной жизнью, обретет ли он ценность для обычных граждан, станет ли частью картины мира отдельного человека, ляжет ли в основу нового коллективного творчества? Или останется только элементом проводимой сверху политики и не найдет отклика в общественном сознании? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет. И ответить на него с уверенностью поможет, вероятно, только время.

Библиография

Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.

Бартольд В.В. История Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. 1.

Бартольд В.В. Ученые мусульманского «ренессанса» // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966. Т. VI.

Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе, 1989. Книга вторая.

Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002.